
УДК 34 (091)
ББК 67.3
Ш — 34

Н.С. Чебанова,

*аспирант государственного морского университета имени адмирала
Ф.Ф. Ушакова город Новороссийск, E-mail: Rasskasov@mail.ru*

Особенности регулирования деятельности приказов Московского государства при отправлении судебных функций по нормам Соборного уложения 1649 года

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена регулированию деятельности приказов Московского государства при отправлении судебных функций по нормам Соборного уложения 1649 года. Принятие данного уложения существенным образом обогатило правотворческую практику Московского государства.

Ключевые слова: Соборное уложение, приказы, судопроизводство, ответственность, дьяк.

N.S. Chebanova,

*Post-graduate student of F.F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk.
E-mail: Rasskasov@mail.ru*

The features of function control of the Moscow state orders at the jurisdiction according to standards of the Cathedral Code of 1649

Abstract. The paper is devoted to the regulation of activity of the Moscow state orders at the jurisdiction according to standards of the Cathedral Code of 1649. The adoption of this code enriched essentially the law-making practice of the Moscow state.

Keywords: the Cathedral Code, orders, legal proceedings, responsibility, a clerk.

Принятие в 1649 году Соборного уложения [1] существенным образом обогатило правотворческую практику Московского государства. Это коснулось всех сфер общественно-политической и социально-экономической жизни [2]. Приказная система централизованного управления, которая к тому времени уже функционировала в Московской Руси, также не стала исключением — в Соборном уложении были кодифицированы многие предшествовавшие акты, определявшие организационно-правовые основы и полномочия различных приказов, в том числе нормы Судебника 1550 года, нормы указных книг различных приказов (Разбойного приказа, Поместного приказа и др.), которые были приняты в первой половине XVII века.

Рассмотрим более подробно некоторые положения Соборного уложения, которые регламентировали различные стороны деятельности приказов в Московском государстве при отправлении ими судебных функций. Предварительно следует заметить, что Уложение не содержало универсальных правовых норм, которые относились ко всем приказам с точки зрения определения их правового статуса. Исключение составляет лишь один аспект, который связан с тем, что в этом акте на более высоком обобщающем уровне и более детально регулировались судебнопроцессуальные вопросы, возникавшие при рассмотрении разного рода дел. И в этом смысле Соборное уложение в значительной степени — по характеру правовых норм — имеет сходство

с Судебником 1550 года (а еще ранее — с Судебником 1497 года).

Если быть более точным, то это касается прежде всего Главы X Соборного уложения «О суде». Дело в том, что в Московском государстве не было разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную власти, и каждый приказ, отправляя административные функции по конкретному направлению государственной внешней или внутренней политики, одновременно выполнял и судебные функции в этой же сфере общественных отношений. В данном контексте определенные в Главе X Соборного уложения принципы рассмотрения дел были применимы в разных приказах Московского государства.

Основные принципы деятельности приказов при отправлении судебных функций определялись уже в ст. 1 Главы X Соборного уложения. Здесь, в частности, указывалось: «судити околничим и бояром и дьяком, и всяким людем приказным, и судьям, и всякая делати росправа всем людем ... от большаго чину и до меньшаго чину, ино вправду. Также и иноземцов приезжих, и всяких людей прибылых, которые в Московском государстве, тем же судити судом и делати росправа по государеву указу, ино вправду, а вымыслом в судных делех ничего по дружбе и по недружбе не прибавливати, ни убавливати, а недругу не мѣстити и ни в чем другу не дружити, и никому ни в чем не норовити, делати государевы всякие дела, не бояся лица сильных, и обидящаго избавляти от неправеднаго». Как видно, провозглашаются независимость и объективность суда. И хотя в феодальном сословном государстве, где имело место крепостное право, такого рода нормы можно считать лишь декларациями, нельзя не видеть, что законодатель в этом смысле по меньшей мере формально стремился поддерживать важнейшие судопроизводственные принципы, которые действовали в европейских странах.

Обращает на себя внимание, далее, перечисление нескольких должностных лиц (бояре, окольничьи, дьяки,

приказные люди, судьи), что предполагает всю структуру судопроизводства — от низших до высших инстанций.

При этом четко прослеживается, что система судебных органов в точности соответствует системе административных органов, что отражает отсутствие принципа разделения властей, на что ранее выше мы обращали внимание. При этом приказы делились на приказы с общими судебными функциями (судные приказы) и приказы со специальной юрисдикцией (Холопий приказ, Стрелецкий приказ, Поместный приказ и др.) [3]. В случае, если в приказе спорное дело решить было невозможно, то законодатель предписывал обращаться в вышестоящую инстанцию, что видно по ст. 2 Главы X Соборного уложения, где отмечается: «А спорныя дела, что в приказах вершити будет не мощно, ис приказов взносити в доклад к государю и великому князю Алексею Михайловичу, и к его государевым думным людем, бояром и околничим. А думным людем, бояром и околничим сидети в полате, и по государеву указу всякия дела всем вѣместе делати».

В ст. 11 Главы X Соборного уложения регулируются основные вопросы делопроизводства, которое должно было осуществляться в приказах при рассмотрении дел. Здесь четко прослеживается важнейший принцип — все дела должны были протоколизироваться, то есть письменный характер рассмотрения дела являлся обязательным: «А дела судные в приказах надо записывати подьячим, а чтоб черненя бы и приписки межь строк и скребения не было. А как суд свершится, и исцу и ответчику к запискам руки прикладывати. А которые без грамоты, и в тех место прикладывати руки людем, кому верят. А как подьячей судное дело с тоя записки напишет набело, то дьяку, с прежнею запискою справя то дело, закрепили своею рукою, а старую записку за исцовою и за ответчиковою рукою подьячему держати у себя если впредь спор будет. А как суд вершится, и та записка, что за исцовою и за ответчиковою рукою приложена, под судное же дело подклеити впредь для спору же».

В данном случае наблюдается явная связь с предшествующим законодательством, а именно в нормах Судебника 1550 года, то есть столетней давности — тогда в ст. 28 Судебника 1550 года довольно подробно определялось дело-производство при рассмотрении дел в высших инстанциях, при этом акцент делался на необходимость тщательного записывания хода рассмотрения дел, в частности, в Судебнике указывалось: «А которое будет суть дело царь и великий князь или бояре, у коих суд не кончается, оставят его в обгорворе, то дьяку велети исцовы и ответчиковы речи перед собой записать; или о чем ся пошлютна псолушество, то дьяку велети записывати то перед собою; да те ж дела ему держати у себя за своею печатью, пока дело не кончится. А которые дела дадут дьяки подъячим начисто с черна переписывать, то дьяки к тем жалобницам и е тем делам руку свою прикладывати. А как подъячий начисто с черна перепишет, то дьяку все справить самому да руку свою приложить, и держати те дела дьяку у себя за печатью. А подъячему у себя никаких дел не держати» [4]. Сравнение показывает, что нормы Уложения в данном случае развивают нормы Судебника. Этот факт свидетельствует о сохранении преемственности в развитии права Московского государства, а равно о значимости Судебника как законодательного акта для деятельности приказов того времени.

Одновременно Соборное уложение более жестко, чем ранее, устанавливается ответственность приказных людей в случае нарушения порядка рассмотрения дел, и речь идет прежде всего о злоупотреблении дьяком своим служебным положением: «А которой дьяк кому норовя посулом, или по дружбе, или мстя кому недружбу, велит подъячему судное дело написати не так, как в было суде, и как в старой записке за исцом и за ответчиком рукою написано, и ежели подъячей по тому дьячьему приказу то судное дело неделом напишет, и сыщется про то, и за то учинити дьяку торговая казнь, да бити кнутом, и во дьяцех больше не быти,

а подъячего за то казнити, отсеци рука, а дело написати велеть, как было, и вершити то дело по суду».

В этой связи следует заметить, что дьяки составлял кадровую основу всех приказов, а в некоторых случаях они даже являлись начальниками приказов (обычно начальниками приказов, или судьями приказов, были лица более высокого сословного положения, а именно бояре или окольниковые). Вероятно, в практике случались такого рода нарушения закона со стороны дьяков, в связи с чем, собственно, законодатель и решил установить их ответственность. Максимальное наказание, которое ждало дьяка — это торговая казнь, битье кнутом и изгнание из сообщества дьяков.

На наш взгляд, неожиданно суровой определена ответственность подъячего, который по приказу дьяка напишет фальшивый протокол — отсечение руки и, возможно, смертная казнь (если трактовать слово «казнити» как именно смертную казнь). Мы можем предположить, что законодатель не хотел оставлять без ответственности никого из тех, кто из приказных людей был причастен к нарушению закона, даже выполняя приказ своего начальника, как в данном случае с подъячим. С другой стороны, очень трудно представить, чтобы подъячий как прямой подчиненный дьяка, отказался писать то, что ему приказывал дьяк. Вероятно, этой нормой законодатель стимулировал донос со стороны подъячего о нарушении дьяком закона.

Ответственность дьяков и подъячих определена также в ст. 13 Главы X Соборного уложения: «А будет учнет кто на подъячего челом бити, что он подъячий исцу или ответчику норовит в судном деле или судное дело без разрешения исцу или ответчику кажет, то дело у подъячего взяти, и иному подъячему отдати. А будет впредь то дело дьячьёю поноровкою у того же подъячего объявится, а исцовым или ответчиковым будет промыслом подъячей вынесет для какия ни буди хитрости ис приказу, и у него то дело за городом вымут, или на дворе, и при том сыщется

про то допряма, что дело ис приказы по дьячью велению вынесено: и по тому делу государевы пошлины и исцов иск за дьячью поноровку взять на дьяке, да сверх того им же дьяку и подьячему учинити наказание, да бити кнутом, и от дела отставити, и впредь у какова дела дьяку и подьячему не бытии».

В целом же законодатель, если иметь в виду приказных людей, конечно же, больше всего уделяет внимания правонарушениям подьячих. Так, в ст. 129 Главы X Соборного уложения содержится еще один состав и соответствующая мера наказания этого должностного лица: «А которой подьячей суднаго дела не запишет в книгу, дабы про то было не ведомо какие с кого взяти государевых пошлин, и дабы ему самому покорыстоватися теми пошлинами, и сыщется про то, и тому подьячему за то наказание учинити, велети при торге бити кнутом. А будет тот же подьячей объявится в другие в таком воровстве, и его за то бити кнутом по торгом, и его отставити ис подьячих, и в украинныя городы ис подьячих в службу, в какую пригодится».

В этом же контексте обращает на себя внимание то обстоятельство, что дьяк — это высшее должностное лицо приказа, в отношении которого законодатель определяет конкретный вид юридической ответственности (во всяком случае, в отношении бояр — начальников приказов законодатель не формулирует соответствующих законодательных положений, что отражает сословный характер общества, где высшая знать может быть наказана только специальным государевым указом, а не по общему закону, и именно это говорит о декларативности указанных выше принципов отправления правосудия, о которых шла речь выше). Вместе с тем законодатель одновременно берет под защиту дьяков и подьячих — в случае ложного на них «поклепа» (ст. 17, 18 Главы X Соборного уложения).

В отличие от предшествовавшего законодательства, Соборное уложение довольно подробно регулирует ряд организационных вопросов, связанных с определением режима ежедневной

работы приказов и приказных людей. Так, в ст. 23 указывается: «А в котором приказе по государеву указу будет боярин, или окольниковый, или думной человек с товарищи, три или четыре человеки, и в которое время из них один или и два человеки в Приказ не приедут за своею болезнью, или за иным за своим каким нужным домашним недосугом, или из них кто будет в отпуску с Москвы, а исцы на ответчиков в то время учнут бити челом о суде, и в то время исцов со ответчики судить товарищем их, которые будут на Москве в приказех. А вершить то дело по суду и по сыску судьям всем вопче. А будет и у вершенья того судного дела кого из них за болезнью, или за иным каким нужным недосугом в приказе не будет и то дело вершить товарищем, которые будут в приказе и в приговор писать свои имена. А кого у вершенья того дела не будет, и того в приговор не писать, а для чего его у вершенья того дела не будет, и то в приговоре описать имянно». Здесь четко оговаривается персональная ответственность того судьи, который разрешает конкретное дело, причем законодатель дважды подчеркивает, что подпись должен ставить тот судья, кто рассматривал дело по существу.

В следующей статье Главы X Соборного уложения (ст. 24) законодатель требует, чтобы «всякие судныя дела вершить безволокитно, чтобы за судьей и за всяким приказным человеком ни в котором приказе ни каким людям лишние волокиты и проести не было». При этом предусмотрен случай, когда судья своим «упрямством» не будет подолгу появляться в приказе (не считая болезни) — такому судье следовало «учинить наказанье». Но, опять же, поскольку, судьей мог быть только человек высокосословный, то наказание не определялось в общих нормах (как в отношении дьяка или подьячего), его должен был персонально «указать государь».

Законодатель определял также выходные дни, в которые приказы не работали: «А в воскресной день никого не судити и в приказех не сидеть

и никаких дел не делати, опричь самых нужных государственных дел. Да суда же не судити и никаких дел в приказах не делати, опричь великих царьственных дел: в день Рождества Христова, в день Святаго Богоявления, и в и(ы)ные Господьские праздники, Сырная неделя, первая неделя великого поста, Страстная неделя, семь дней по Пасце. Да в которые день приспеет праздник день рождения государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси, и его благоверные царицы и великие княгини Марии Ильи(ни)чны,

и их благородных чад» (ст. 25 Главы X Соборного уложения).

В целом же Глава X Соборного уложения довольно обширна по объему, в ней много казусов на самые разные случаи из жизни (хищения, бесчестье, возмещение упущенной выгоды и т.д.), однако в части, касающейся деятельности приказов, речь идет в основном в начале главы. Соответствующие нормы, развивая в этом плане предшествующее законодательство, способствовали, бесспорно, более четкой организации деятельности приказов при отправлении последними судебных функций.

Примечания:

1. Соборное уложение 1649года / под ред. М.Н. Тихомирова, П.П.Епифанова. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 24.
2. Рассказов Л.П., Упоров И.В. «Дабы суд был во всяких делех всем равна» (Соборному уложению — 350 лет) // Юридический вестник. 1999. №22. С. 16-17.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905. С. 178.
4. Судебник 1550года // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2 / отв. ред. тома А.Д. Горский. М.: Юрид. лит.,1984. С. 31-32.

References:

1. The Cathedral Code of 1649 / ed. by M.N. Tikhomirov, P.P. Yepifanov. M.: The MSU publishing house, 1961. P. 24.
2. Rasskazov L.P., Uporov I.V. «In order that the court treated everyone equally in different cases» (The Cathedral Code is 350 years old) // The Law Gazette. 1999. No. 22. P. 16-17.
3. Vladimirskey-Budanov M.F. The history review of the Russian law. Kiev, 1905. P. 178.
4. The Code of Laws of 1550 // The Russian legislation of X-XX centuries: in 9 v. / general ed. by Chistyakov. V. 2 / the volume ed.-in-chief is A.D. Gorsky. M.: Yurid. lit., 1984. P. 31-32.